

— Наверное, вы давно не отвлекались на охоту, — все не унимает свой анализ Евгений Николаевич. — Если так, советую возобновить эту форму отдыха, возможно, в несколько облегченном, но более частом режиме. Надо, надо перемежать трудовую повседневность любимым хобби...

Не желая какими бы то ни было высказываниями педальировать продолжение скользкой темы, Ерохин закругляет разговор кратким согласием правильно отдыхнуть и дальше. Попрощавшись с Никольским до ближайшего телефонного отчета ему, пациент расплачивается за оказанное добро в регистратуре, выходит из клиники на благотворный воздух обычной жизни и спешит влиться в нее.

20

Это странное переживание, что в тебя подглядывают: становятся на цыпочки и заглядывают в окно, приникают ухом к стене для концентрации неясных звуков в отчетливость слов... Сначала Лика, потом Никольский, теперь вот этот... Продавец пиратских CD с боевиками, порнухой и триллерами — предметов камерного телевизионного счастья на одном из подмосковных рынков — безвозрастный человек в простецкой бейсболке, пропитанной по краю сегодняшним трудовым потом и кожным салом прошедших дней, сейчас тоже изучает его, хирургически вклинивается многообещающе разумными, натренированными на покупателя глазками. И Павел Владимирович, нарочно подставившийся под изучение, почему-то надеется: торговец сам разберется в нем и предложит то, что нуждающемуся так в тягость оформить словесно. Продавец же не навязывает зреющему клиенту конкретный товар и тем более не выпрашивает у него о пристрастиях. Он, воплощая надежду Ерохина, озвучивает результаты

текущего разбора вслух и корректирует выводы после сверки с довольно скуными эмоциональными движениями наружности покупателя:

— Итак, художественные фильмы, вероятно, боевики, драмы, триллеры? — (Павел Владимирович вскидывает глаза на продавца и тут же опускает их вниз. В этом взгляде просверкивает что-то суровое). — Ага, я думаю, человек вроде вас все свои художественные фильмы уже отсмотрел. Порно наверняка отпадает сразу, и говорить о нем не стоит. Ну, там лесбиянки, геи, садомазо? — (Ерохин криво хмурится). — Эта продукция в основном для подростков, то есть я, конечно, хотел сказать — для развивающейся молодежи. Так, идем дальше: история, документалистика, альтернативная история, НЛО... — (Ерохин наигранно вздыхает). — И это — отпадает. Ладно, есть еще всякие необычности и ужасности. Шокирующая Азия, например. Разные там йоги, охота на слонов, удавы, глотающие добычу... — (Покупатель одобрительно покачивает головой, что, видимо, означает приближение к искомой теме), — другие хищники, разрывающие жертв, — продавец спускается на шепот, — и даже людей, но смотреть такое негигиенично...

— Ну, хорошо, — окорачивает торговца Павел Владимирович, — отложите мне все, что у вас есть из рубрики, как вы изъяснились, необычностей. А там я как-нибудь собственноручно разберусь...

— О! Вы меня не разочаровали! — Как бы весь плавится и размягчается от проникновенного умиления продавец. — Солидность не скроешь.

Он протягивает Ерохину в обмен на деньги увесистый пакет с дисками — емкостями изощренных зрелищ и отборных кошмаров.

— Презренный металл, — усмехается бумажным деньгам продавец, прибирает под прилавок пачку купюр

и возвращает покупателю скромную сдачу, — но как приятно помочь увлеченному человеку. Если раскопаете там что-нибудь по душе, обязательно возвращайтесь, я раздобуду для вас подобное найденному.

Ерохин отвечает на любезность продавца кислой, как недозрелое яблоко, полуулыбкой, означающей для обоих, что видятся они в первый и последний раз.

Несколько свободных вечеров ушло на беглый, косвенный прогляд купленного. Большинство материала подлежало списанию в утиль, кое-что было поверхностно интересным, никак не задевая сердца. Но вот попался фильм, где фигурировал медведь — гигантская самка в клетке. Картинка, будто скомпилированная из детской памяти. Павел Владимирович аж зазвенел от предчувствия находки, догадавшись о дальнейшем ходе убийственного сюжета.

В клетку к растравленному голодом хищнику запикивают невыразимо визжащего, оборванного и грязного латиноамериканца. Дальше творится в негативном отображении то, что Ерохин делал с мертвым медведем на последней охоте. Но теперь примерно то же производит медведь над живым человеком. Ошеломляющие вопли разрываемого сотрясают компьютер изнутри. Вначале они режущие-звонкие, а когда ударом лапы медведица срывает с черепа орущего пол-лица, становятся мокрозахлебывающимися. От такого кино личность Ерохина сжимается в бесконечно малую точку, и казалось, он погибнет, если еще хотя бы секунду будет смотреть и слушать это. Он пытается отключить просмотр, но не успевает, так как полностью, вместе со всеми рефлексам и действующими мышцами проваливается в наблюдаемую кровавую вакханалию. Участвуя в ней, он то яростным медведем

терзает мечущийся по клетке кровавый кусок, то несчастной жертвой в безысходном смертном безумии старается увернуться от неминуемых зубов и когтей.

Когда запись израсходовалась и экран потух, Павел Владимирович опомнился возле него дрожащим, в измокшей от пота одежде. В груди что-то инородно перекатывалось, переворачивалось, то перекрывая дыхание, то вновь позволяя его. «У меня, наверное, снова гипертонический криз», — решил Ерохин, полез в ящик стола, вытащил тонометр и здесь же, не удаляясь от источника стресса, измерил давление. К его вдохновенно радостному изумлению оно выяснилось идеальным — 120 на 80. Непонятно окрыленный Павел Владимирович сбросил испачканную одежду, упоенно вымылся в душе и потом еще с полчаса с удовольствием провозился в мастерской. На ночь употребил профессорские таблетки, выпил кружку кефира и с крепкой верой, что ни за что больше не притронется к сегодняшней компьютерной жути, отправился спать. Спал он всю ночь ровно, без навязчивых сновидений, а поутру проснулся с накопленным запасом просто-таки выпирающей бодрости и здоровья. Настал новый день жизни с запланированной на 17:00 разгружающей стрельбой в тире. Но Ерохин не пошел, так как забыл о намеченном развлечении.

ЧАСТЬ III

Глава 1. Новая тюрьма

1

Погубив привычным образом очередных курицу и кролика, Старик загружает ими специальный, замусоленный своим многолетним предназначением кошель, вешает его на плечо и шкандыбает в дом. В зале сдвигает трухлый, вытертого цвета ковер. Под ним обнаруживается кольцо ляды. Отворяет ее, деревянную, — в возникшем проеме на небольшой глубине находится следующий люк. Закрывает он подходящей массивной крышкой, сработанной из кусков порезанного сваркой швеллера. С каждым годом Старику от ее тяжести все больней в пояснице. «Сейчас я ни в коем случае не осилил бы сооружение этого каземата», — оценивает когда-то проделанное Старик, и воспоминания вновь переполняют его. Перед тем как с головой очутиться в прошлом, бывший строитель успевает заметить себе: «Что-то я без меры задумчив в последнее время, неужто итоги подвожу?»

...Глина, занимающая определенное для Зверя место. Очень много глины с добавкой мелкого камня. Старик вынимал ее из подвала десятками ведер в день, на тачке переправлял в глушь приусадебного,

брошенного на произвол самостоятельности сада и равномерно рассыпал там в низинах почвы. Несчетно ведер и много дней, в конце каждого из которых вусмерть изнемогшего Старика без памяти валило на постель.

Постепенно подвал набирал запланированную кубатуру, и землекопу вместо ставшей куцей деревянной пришлось сварить из алюминиевых труб новую лестницу — более длинную и легкую. Казалось, выпиванию подвала не будет предела. Перед глазами Старика монотонной вечностью все струился и струился беловатый алюминий лестничных перекладин, когда он, груженный очередным ведром, пыхтел вверх или порожняком спускался вниз. Но упорство непобедимо, и вот уже копатель, наклонившись над разобранном полом в зале, обозревает окончательно созданную пропасть. Наглядная грандиозность результата потрясает, и Старик, каторжно добивавшийся его впотьмах защитно-суженного сознания, не допускавшего события труда в память, даже сомневается в причастности к делу своих рук.

Два дня промежуточного отдыха, чтобы соблюсти этапность воплощения задуманного и заодно обмануть боль в истерзанных перегрузкой мышцах и сочленениях. И снова работа — замесы раствора, перетаскивание стройматериалов, сварка. Пол новой тюрьмы Старик застлал листовым металлом и забетонировал. Стены выложил из шлакоблока и тоже обшил железным слоем. Отстроенное помещение он располовинил шестидесятисантиметровой толщины стеной, сложенной из нескольких связанных друг с другом шлакоблочных рядов. В одной из половин и была подготовлена камера для Зверя. С целью кормления чу-

дища в стене, на высоте метра от пола, Старик оставил довольно узкое — двадцать на тридцать сантиметров — закрывающееся чугунной заслонкой окошко. Почти бойницу. В него Зверь мог бы просовывать лапу и забирать пищу, подносимую охранником к окошку из соседней подсобной комнаты на длинной и гладкой палке. Бетонный пол в камере архитектор уклонил так, чтобы урина заточенного устремлялась в один из углов, где ожидало отверстие для стока нечистот. Для смыва туда твердых фекалий в камеру открывались у самого пола четыре трубы. Через них, запустив насос в доме, можно было подавать под напором воду.

Наподобие поильника в сарае Старик и здесь обустроил огороженное углубление, снабжаемое водой для питья благодаря еще одной вмурованной в толщу стен и пола трубе. Освещение в камере не предполагалось — Старик урезал Зверя в этом благе. В своей же, хозяйственной, половине нового подвала Старик на электричество не поспешил, подведя его к закрепленным на стенах резкого, отрезвляющего света излучателям. Кроме того, выгнал от пола до предполагаемого люка в пока не существующем, лишь намеченном массивными балками потолке металлическую винтовую лестницу. Мастер собрал ее из стальных уголков, да такую красавицу, что загляденье. Рассматривая этот подобный завитому драконьму скелету изящный продукт сварочного искусства, Старик впервые за много месяцев рабского вкалывания наслаждался красотой достигнутого.

Оставалось совершить на редкость трудоемкий, грозящий при исполнении всяческими непредсказуемостями и крайне опасный подвиг: усыпить Зверя сильнодействующим снотворным, разрезать решетку

вольера, извлечь его оттуда, погрузить на заранее подготовленную платформу на колесиках, перевезти в дом и через разобранный пол в зале сбросить в новообустроенную тюрьму. Пока же монстр спит, надлежало перекрыть все помещение подвала — камеру Зверя и подсобку рядом — мощнейшим, не проницаемым ни при каких условиях потолком (он же — новый пол в зале). В случае провала операции исход был несомненен — изуверская гибель Старика и недопустимое освобождение чудовища.

2

Начал Старик с подготовки материальной базы: первым долгом накопил дозу снотворного, способную, наверное, и слона отправить в страну Морфея; для перемещения спящего Зверя сконструировал возок, подходящий под ширину двери сарая; прямо в доме рядом с проемом в полу собрал в подручной доступности швеллеры, арматуру, цемент, шлакоблоки; наладил к работе сварочный аппарат...

Настал черед усыпления, и Старик перестал доставлять воду в бетонированный поильник вольера. В межкормежное время Зверь пил мало, вылакивая за неделю менее трети объема, из-за чего не сразу заметил истощение запаса. Когда пришло назначенное время еды, Зверь сожрал ставший привычным несытно-мертвый обед и ринулся к емкости с питьем. После третьесортного питания жажда вспыхивала в нем особенно остро и требовала неотлагательного погашения.

Возникнув, жажда заставляла чують воду издалека и начинала удовлетворяться еще на подходе к бассей-

ну поильника вдыханием исходящей от него влажноти. Сейчас, приближаясь к месту водопоя, Зверь, к удивлению, не засек эту влагу чувствительной мякотью своего рыла, а далее увидел, что бассейн пуст и сух. Набираясь тревожным замешательством, чудище стало туда передними лапами и непонимающе обнюхало углы емкости, будто вода может незаметно прятаться там. Старик, симулируя занятость, передвигал с места на место всякие вещи в углу сарая и подспудно следил за обделенным водой Зверем. Убедившись, что в доступных ему пределах никакого питья не найти, Зверь по-лошадиному всхрапнул, как бы выражая последнее изумление, а вслед за тем все его существо захлестнуло яростью неудовлетворенного желания. Монстр злобно взревел и — пока злоба не сфокусировалась на единственно возможном виновнике очередного лишения — несколько секунд в хаотичном бешенстве носился по клетке. Потом чудовище опаматовалось в этой ненависти, остановило шарахания по вольеру, повернулось и, как всегда, ринулось в направлении Старика. И, как обычно, Зверь не соглашался с отделяющей его от Старика преградой и штурмовал ее всей развернутой открытостью своей туши, не пытаясь сгруппироваться и защитить уязвимые места. От первого же удара об ограду с потолка на сей раз посыпалась какая-то мелкая чепуха начального разрушения. Пока Зверь с оголтелой непримиримостью царапал и кусал отмежевывающую сталь, Старик подумал: «Да, я был прав, затеявая переезд. Зверь перерос эту оборону, она долго не продержится».

Старику предстояло довести Зверя до такой степени жажды, чтобы тот смог безотказно выпить горький водно-спиртовой раствор снотворного. При этом

риск новым истязанием всколыхнуть в пленнике невиданный поныне прилив отчаянной силы, способной разрушить препоны, тоже следовало иметь в виду.

Повинуясь поставленной цели, придумщик выдерживал Зверя пять дней, аккуратно подсматривая за ним, а на шестой день отправился на кухню. Там хранились необходимые припасы: пакет с истолченным в мелкий прах снотворным и початая двухлитровая бутылка с девяностошести процентным спиртом. Старик высыпал снотворный порошок в ведро, залил спиртом и размешал. Необходимость использовать этанол сильно смущала, но чертово лекарство не растворялось в воде. Когда сухой химикат полностью растаял в жидком, Старик развел образовавшееся зелье водой, налив ее в ведро доверху. «Хоть бы немного выпил», — попросил он Создателя, ухватился за ручку ведра и, боясь расплескать, понес пойло в сарай.

3

Впервые в жизни Зверь повстречался с мукой жажды. Он не знал, что это такое, просто нутро сделалось грубо шершавым, горячим и болезненно ощутимым. Выискивая, чем бы оросить пасть, глотку, пищевод и прочее, Зверь сообразил лакать пока еще выделяющуюся мочу. В первый раз он одновременно мочился и слизывал с покатого пола убегающую от него в сток вонючую, соленую, но все-таки жидкость. Во второй, явив чудо интеллекта, отлил в поильник и лакал уже оттуда. А в третий раз мочи вышло совсем мало, и была она непереносимо тошнотного вкуса. От такого напитка чудовищу стало еще горше. Пасть связало жгуче-терпким налетом, и язык, ранее мокро эластич-

ный и змеино подвижный, парализованным, засушенным сморчком торчал из нее. Обезвлаженное горло посторонним, саднящим куском сидело в шее и больше не изрыгало никаких звуков, кроме надсадного, кашляющего сипения. Когда, как и в прошлую попытку голодом, стало неважко, Зверь вновь сподвигнулся пробить заграждение, стремясь прорваться в исполняющий любые прихоти свободный мир. Но, вооруженный благоприобретенным опытом, делал он это без членовредительского надрыва, методично ударяя в один и тот же участок решетки. И после каждой атаки все струилась и струилась вниз с потолка, куда вмурованы крепления ограды, змейка крошащегося в пыль бетона.

Вот тут-то и появился Старик с ведром. Завидев воду, Зверь хрипло, то и дело срываясь в немоту, заскулил и впервой за историю совершенно беззлобно, жалобно и просяще засуетился в вольере. Опешив от беспримерного зрелища смирения Зверя, Старик, однако, не дал себе засомневаться, подошел и сквозь решетку наполнил поильник слотворной жидкостью. Жаждающий накинулся и начал ожесточенно лакать, а скорее даже хватать пастью воду, чувствуя остреее наслаждение от смачивающей прохлады, но не различая напрочь отсохшими рецепторами языка ее лекарственно-спиртовую горечь. Заснул он в ходе питья, свалившись мордой в обмелевший источник влаги. Для проверки глубины сна осторожный Старик проник в клетку длинной палкой и ткнул ею Зверя в раздутое от воды брюхо. Телесная ткань под палкой резиново подалась, словно неживая. Только присмотревшись, по ничтожным дыхательным колебаниям грудной клетки Зверя можно было догадаться, сколь

слабую связь с плотской оболочкой он поддерживает откуда-то издалека. Подтвердив безопасность, Старик с торопливой радостью распахнул, как никогда легко, дверь сарая и вкатил туда платформу для перевозки усыпленного. На ней, чтобы не напрягаться собственноручно, он доставил в сарай сварочный аппарат.

В давние времена, когда Зверь еще не дорос до нынешней степени убийственной силы и ненависти, Старик держал его на цепи в сарае. Позднее, построив клетку с огромным по крепости ограждения запасом и заключив чудовище туда, Старик, естественно, не собирался выпускать узника обратно. Поэтому не оставил какого-либо отмыкающегося сообщения, заварив вольер наглухо. Теперь же, задействовав сварку, понадобилось вырезать из решетки приличный кусок.

Студеная всеми печенками, спустя много лет Старик опять ступил в клетку к Зверю. Привычная животная вонь здесь показалась ему многократно едче и до колик в боках стеснила дыхание. В не знавших ухода космах чудища посетитель углядел снование неизвестных паразитов, ощутивших беспомощность хозяина. Увидев стальные перекрестия ограждающего барьера с изнанки, его создатель обмер: металл оказался сплошь иссечен глубокими изъятиями и царапинами от зубов и когтей. Какую же твердость они должны иметь, если произвели подобное? Некоторые из повреждений были столь велики, что ударь Зверь туда полной силой, вполне мог бы сломать заслон.

«Он находился на грани прорыва», — констатировал Старик и взглянул из звериной клетки на свою, ставшую внешней, часть мира. Просто ему, словно оправдывающему цену билета экскурсantu, захотелось

напоследок представить себя на месте заключенного. Неодолимая сетчатая завеса кромсала видимую обстановку сарая на куски, и она, непривычная с такого ракурса, делалась от этого еще более чужой и далекой. Потом возникло впечатление надвигающейся, жмущей к земле, душной тесноты. «Тут озверееешь...» — пробормотал Старик и, побыстрее убравшись из вольера, вернулся к выполнению задания.

Накинув на чудище сплетенную в виде своеобразной упряжи веревку, Старик поднатужился сдвинуть расслабленную тушу с места. Не вышло. Непонятно откуда за годы заточения Зверь нарастил неподъемную для старческих сил тяжесть. Потребовалось налить под покоящееся тело как следует растительного масла, чтобы не тащить волоком, а привести в скольжение по полу. Хитрость удалась. Туша стронулась и последовала за впрягшимся в нее Стариком. При этом голова монстра, вытащенная из поильника, перевалилась через его бортик и тяжело стукнулась об пол. Недосмотревший грозящую истреблением погрешность Старик кинулся вон из клетки, будто это могло сберечь его в случае пробуждения Зверя. Но обошлось. Ни стоны, ни вздоха, ни малейшего шевеления в ответ. «Этот сон подобен смерти», — с обнадеживающим облегчением подумал рискующий жизнями.

Изрядно повозившись до пекущей боли в руках и спине, Старик все же подтянул извалянного в масле монстра к краю клетки и через прорезь в ограде сгрузил на подогнанную вплотную транспортировочную платформу. Прикрутил, борясь с гадливостью, к ней веревками и вывез в вечерний, с умыслом не освещенный двор.